

М и х а и л   # в а н е ц к и й

ОДЕССА . ЕДА . . .

Утром каша — кабаковая, то есть тыквенная.
Хотя кабаки здесь сладкие и каша сладкая.
В кабаковую кашу кладем пшено.
Не я кладу, Наташа кладет и Леночка.
Есть у нас еще Леночка, которая кладет в кабаковую кашу пшено.
С этой каши начинается одесский день.
Солнце бьет в окна.
Температура постоянная.
Сентябрь, двадцать пять—двадцать семь...
После каши крошечные сосисочки, как дамские пальчики. Вкусно!
Иначе я бы не ел.
Я не командую.
Командует у нас Наташа.
Она четко знает, что за чем.
Она знает, чем меня кормить и чем меня лечить.
После этого, что остается? Ничего...
Письменный стол и кофе.
Без кофе не могу.
После каши вялая голова, но крепкий живот.
Я все время за столом.
За письменным столом. Так, примерно с десяти тридцати.
Если рано встал.
Один час разминка.
Двадцать минут каша и четыре сосисочки.
Пересаживаюсь тут же за письменный стол.
Мучаюсь до шестнадцати, семнадцати, восемнадцати...
По мобильному телефону спускаю команду: «Салат — помидоры,
огурчики и все, что в доме, — насечь!!!»
Редисочка, лучок, болгарский перчик насекается, поливается
подсолнечным или оливковым маслом.
Чуть бальзамического уксуса — сладковатого коричневого.
Все это посыпать мелко натертой брынзой.

Все это посыпается, находясь в глубокой тарелке. И снизу вверх — из молодости в зрелость.
Иногда для радости тюлечка.
Но в отдельной большой, но плоской.
С чем? Не надо гадать.
С кругленькой, тепленькой, вечно молодой картошечкой.
Плоская тарелка должна быть большой. Самой большой.
К этому редко бывает. Ну, бывает!
Но бывает! Темно-серый, ноздреватый, мягкий, мягкий хлеб...
Мы понимаем. Мы понимаем. Мы все понимаем.
Это вредно. Очень вредно. Очень не рекомендуют.
Но очень вкусно!
Рекомендую!
Нет. Не, неслаб человек.
Мы с вами живем в такое время и в таком месте, когда хлеб становится самым вкусным блюдом всего обеда.
Как он умудрился после полувекового перерыва?!
Этот ноздреватый коричневый с хрустящей корочкой и мягкой куснейшей мякотью...
А если сливочное масло домашнее?..
Зиночка, подруга Наташи, она там с папой как-то сбивают это масло.
Если намазать на этот, нет не белый, а такой же, но коричневый хлеб...
Не представляю, как его не есть, глазами в небо!
Когда маленькие тюлечки, соленькие, совсем крошечные.
К ним маленькая целенькая горяченькая картошечка.
Дальше... Нет, не дальше, а ближе, здесь же глубокая тарелка, полная икры из синеньких с лучком, мелко-мелко нарезанным и загнанным внутрь...
Все это с чайком черным бархатистым, для проводимости.
И это не обед. Это какой-то завтрак, полдник, переходной...
Но это я все о придворных.
А главная царица — кефаль кусками.
Жарена и терпковата.
Ее лучше брать, чтоб обжечься! Брать руками с большого блюда на свою тарелку и разогнуть, и расплатать.
У нее там только ребрышки.

Извините, я слюной закапал текст... Нет! Это слезы со слюной...
По-королевски. Нет! По-царски разорвал руками кефаль.
Жирными пальцами ребра сложил отдельно на плоской крошечной тарелке, чтоб не подавиться.
Склонился над большой, огромной, тоже плоской, принюхался и приступил...
Рядом никого. Кефаль не любит хлеба. Кефаль не любит чая.
Большой кусок бумажного рулона.
Вначале слезы, потом губы, потом пот и вдаль, где море, откуда все и поступает...
Ей-богу! Это лучше!
Все, что дал успех, собрали зрители, за вычетом того, что я съел и съело государство, уже внутри.
Я отдыхаю. Тяжело дышу. Легко пишу.
Теперь, дай Бог, чтоб то, что я запомнил и описал, нашли и вы в моей родной Одессе.

